

УДК 94(47).083.4

DOI 10.24412/1026-8804-2021-4-119-137

Портсмутский мир 1905 г.: дискуссионные проблемы русской историографии

Дмитрий Витальевич Лихарев,

доктор исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток.

E-mail: liharev.dv@dvfu.ru

В статье представлены результаты анализа историографических материалов, темой которых является заключение в 1905 г. Портсмутского мирного договора. Работы отечественных историков были рассмотрены с позиций актуальности, методологии, концепции и источниковой базы. В эволюции историографии Портсмутского мира выделяется три этапа: период 1940—1950-х гг., позднесоветский период и современный этап (1990—2010-е гг.). Различия между ними обусловлены прежде всего появлением новых методологических подходов. Ортодоксальный марксизм трактует историю как надындивидуальный социально-экономический процесс, который определяется объективными законами, не зависящими от воли и сознания людей. В русле этой теории историки 1940—1950-х гг. рассматривали переговоры в Портсмуте в более широком, международном контексте. Такой подход позволяет утверждать, что лидерам государств-участников и делегатам приходилось действовать в крайне ограниченных рамках, практически без возможности выбора. Постепенный отход от марксистской методологической парадигмы способствовал переключению внимания историков на роль субъективного фактора в переговорном процессе и открывал возможность для обсуждения альтернатив Портсмутского мирного договора. В настоящее время в российской историографии сформировались три различные концепции Портсмутского мира, разработанные А.В. Игнатьевым, И.В. Лукояновым, В.В. Носковым. Методологический консерватизм, присущий современным трудам по дипломатической истории, автор связывает с особенностями объекта и предмета исследования. **Ключевые слова:** историография, источники, методология, Портсмутский мир, Русско-японская война.

Portsmouth Peace Treaty of 1905: Controversial Issues of Russian Historiography. Dmitrii Likharev, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: liharev.dv@dvfu.ru.

The paper contains the analysis of the Soviet and Russian historiography of the Portsmouth Peace Treaty of 1905. The author studied the works of Russian

historians in terms of relevance, methodology, concepts, and sources. Three stages are distinguished in the evolution of historiography: the first period between 1940 and the 1950s, the late Soviet period, and the contemporary period between 1990 and the 2010s. Distinctions between these stages can be found in the realm of methodology. Orthodox Marxism considers history as a social and economic process predetermined by objective laws independent of human will and consciousness. Thus, between 1940 and the 1950s, Soviet historians tried to consider peace negotiations in Portsmouth in the broadest international context. Such approach implicated that political leaders and delegates had to act within certain limits. In fact, it did not leave them room for choice. Gradual withdrawal from Marxist methodological paradigm helped to switch attention of historians to the role of the human factor in negotiations and gave opportunity for discussing alternatives of the Portsmouth Peace Treaty. Nowadays, there are three points of view on the Portsmouth Peace in modern Russian historiography: the concepts developed by A.V. Ignatiev, I.V. Lukoyanov and V.V. Noskov. The author claims that methodological conservatism of diplomatic history is related to the object and subject of studies.

Keywords: historiography, sources, methodology, Portsmouth peace, Russo-Japanese war.

На первый взгляд, Портсмутский мир 1905 г. принадлежит к числу тех событий российской истории, о которых в нашей стране по понятным причинам не очень любят вспоминать. Однако на рубеже 2000—2010-х гг. появилось сразу несколько значимых исследований, благодаря которым в современной российской историографии сложились как минимум три точки зрения на то, как проходили переговоры в Портсмуте и кто несёт ответственность за их результаты. Таким образом, Портсмутский мир как историографический феномен обрёл актуальность. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проследить эволюцию точек зрения советских и российских историков на данную проблему и проанализировать их труды по классической схеме: актуальность, концепция, методология и источниковая база. Предмет исследования ограничен академической историографией.

Начать следует с источниковой базы, которая стала формироваться вскоре после окончания Портсмутской конференции. Желание царского правительства предоставить российскому обществу некую объективную информацию о мирных переговорах, ставших итогом неудачной войны с Японией, было вполне объяснимым. По этой причине в России уже в 1906 г. были опубликованы протоколы заседаний Портсмутской конференции и текст мирного договора [28], а также переписка официальных лиц и протоколы заседаний, на которых обсуждались предварительные условия мира с 25 мая по 3 октября 1905 г. [29].

За официальными документами последовало обнародование материалов личного характера, принадлежавших перу участников переговоров в Портсмуте. В 1918 г. журнал «Былое» опубликовал в нескольких

номерах дневник И.Я. Коростовца — секретаря С.Ю. Витте [14]. Пять лет спустя в виде отдельной книги он был напечатан Русской духовной миссией в Пекине, и это издание менее известно, поскольку современные историки предпочитают ссылаться именно на журнальный вариант. Мемуары барона Р.Р. Розена, бывшего российского посла в США и второго лица в составе российской делегации в Портсмуте, создавались им уже в вынужденной эмиграции. Они вышли в свет в двух томах на английском языке в Нью-Йорке в 1922 г. [38]. Розен на удивление мало места отвёл переговорам в Портсмуте — меньше, чем от него были вправе ожидать современники и следующие поколения историков. Самым известным мемуарным источником являются «Воспоминания» С.Ю. Витте, главы российской делегации в Портсмуте. Его подробные воспоминания многократно переиздавались в нашей стране [5], их анализу посвящено немало статей и даже целая монография [1]. Этот яркий и, несомненно, субъективный текст принадлежит к числу наиболее часто цитируемых эго-источников по истории России конца XIX — начала XX в.

Источниковая база портсмутской темы продолжала расширяться и пополняться новыми документами на протяжении 1920—1930-х гг. К мемуарам непосредственных участников переговорного процесса добавились воспоминания и дневники государственных и военных деятелей, с которыми консультировались С.Ю. Витте и Николай II и которые тем самым оказывали опосредованное влияние на ход и результат переговоров в Портсмуте. Из таких лиц следует назвать В.Н. Коковцева, А.Н. Куропаткина, В.Н. Ламздорфа.

Советские историки и архивисты также внесли свою лепту в расширение круга источников. Их усилиями на страницах журнала «Красный архив» были опубликованы переписка С.Ю. Витте с А.Н. Куропаткиным, журнал военного совещания под председательством Николая II 25 мая 1905 г. и другие важные документы [11; 25; 27]. Одновременно с этим европейские страны — главные участницы Первой мировой войны — приступили к публикации монументальных собраний дипломатических документов конца XIX — начала XX в. Первыми стали немцы, оперативно издавшие в 1922—1927 гг. 40-томную «Большую политику европейских кабинетов» [40]. За ней последовали английское и французское собрания [33; 41]. Главная цель этих публикаций заключалась в выявлении причин Первой мировой войны. Кроме того, немцы также стремились снять с Германии единоличную ответственность за развязывание войны. Перечисленные собрания содержали достаточно весомый сегмент документов, характеризующих позиции Франции, Великобритании и Германии в отношении Русско-японской войны и условий завершившего её мира. Следующим поколениям историков они существенно облегчили задачу реконструкции широкого международного контекста, в котором проходили переговоры в Портсмуте.

Портсмутская конференция представляла собой не просто дипломатическое противостояние России и Японии. И на этапе её подготовки,

и в ходе переговоров зримо присутствовала третья сторона — Соединённые Штаты Америки. Президент США Теодор Рузвельт в своей дипломатической активности явно вышел далеко за рамки нейтрального посредничества между двумя воюющими сторонами. Ему требовался мир любой ценой, поскольку провал Портсмутской конференции наносил удар по его престижу как посредника. Ему нужен был не просто мир, а такой исход, который отвечал бы геополитическим интересам США в Восточной Азии. Именно поэтому всем исследователям Портсмутского мира неизбежно приходилось учитывать роль и влияние американского президента и общественного мнения США. Что касается американских источников, посвящённых портсмутской теме, то регулярно издаваемые документы Госдепартамента США [37] оказались на удивление неинформативными, и в работах российских историков ссылки на них не встречаются. Самый большой массив информации об официальной и закулисной дипломатии США по подготовке и ходу переговоров в Портсмуте содержат письма Теодора Рузвельта. Обширное эпистолярное наследие 26-го президента Америки было опубликовано в восьми томах в 1951—1954 гг. [35]. Без этого источника не обходится ни одно серьёзное исследование портсмутской темы. Здесь также следует упомянуть и отдельный том документов о российско-американских отношениях 1900—1917 гг., изданный в 1999 г. при поддержке фонда Сороса [31]. В него вошли материалы из российских архивов, впервые введённые в научный оборот и позволившие внести некоторые коррективы в традиционные представления о портсмутских переговорах.

Число опубликованных документов продолжало увеличиваться и в 2000-х гг. В 2006 г. вышел в свет сборник «Русско-японская война 1904—1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России» [8]. Его составителями выступили В.В. Глушков, Г.А. Куманёв и К.Е. Черевко. Книга вызвала большие нарекания со стороны специалистов [20, с. 34—36], однако именно второй раздел, содержащий источники по Портсмутскому миру, получился более удачным, чем остальные. В нём впервые на русском языке был опубликован полный текст протоколов конференции. До 2006 г. этот документ существовал только на английском и французском языках.

Что касается японских источников, то с ними дело обстоит сложнее: далеко не все российские историки, о которых речь пойдёт ниже, использовали в своих работах опубликованные или архивные документы Страны восходящего солнца. Отчасти это обусловлено языковым барьером, что признают сами японцы. В 1970-х гг. коллектив историков под руководством Мироносукэ Кадзима подготовил на английском языке 3-томную «выжимку» из 19-томного собрания японских дипломатических документов за 1894—1922 гг. [39]. Большой раздел второго тома содержит документы, относящиеся к Портсмутской конференции 1905 г. Тем не менее данный источник не вызывает доверия у российских и западных историков, которые находят его слишком тенденциозным. Из источников

личного характера чаще всего цитируется перевод на русский язык мемуаров Кикудзиро Исии [13], который в 1905 г. только начинал свою дипломатическую карьеру.

Для российских исследователей портсмутской темы характерно достаточно критическое отношение к достижениям зарубежных коллег, изучавших данный вопрос. Как показал анализ научно-справочного аппарата российских публикаций, из работ американских историков самой цитируемой является изданная впервые в 1925 г. монография Т. Деннетта «Рузвельт и Русско-японская война. Критическое исследование американской политики в Восточной Азии» [34]. Это исследование проводилось на материале писем Т. Рузвельта, которые в то время ещё не были опубликованы и существовали в виде архивных документов. Чем объясняется столь устойчивый интерес к данной книге, сказать трудно. На Западе она, по всей видимости, тоже сохраняет свою актуальность, поскольку выдержала два переиздания — в 1959 и 2013 г.

Труды других западных исследователей не удостоились такого внимания, хотя американская историография данной темы достаточно обширна. Корифей американской советологии и русистики Ричард Пайпс попытался донести свою точку зрения на Портсмутский мир до российского читателя, опубликовав в 2010 г. большую статью на русском языке в «Американском ежегоднике» [24]. Однако В.В. Носков посчитал неубедительной концепцию Пайпса, как «не согласующуюся с данными исторических источников» и, прежде всего, с документальным наследием самого Т. Рузвельта [22, с. 154].

Из трудов японских историков самой востребованной остаётся работа Сьюмпея Окамото «Японская олигархия в Русско-японской войне», вышедшая в 2003 г. в русском переводе [23]. Впрочем, её едва ли можно считать частью японской историографии: в 1954 г., в возрасте 23 лет, Окамото переехал в США. Там он получил полное университетское образование и учёную степень Ph.D. в Колумбийском университете. Его книга впервые вышла на английском языке в 1970 г. [36].

Таким образом, приведённый здесь беглый обзор показывает, что по портсмутской теме существует большое количество опубликованных документов. Автор недавней статьи о Портсмутском мире С.А. Гладких даже считает, что «современное состояние источниковой базы позволяет провести данное исследование, почти не обращаясь к материалам архивов» [7, с. 96]. Можно, однако, возразить, что появление новых, оригинальных концепций, расширявших или менявших наши представления о переговорах в Портсмуте, становилось возможным только в результате обращения их авторов к неопубликованным архивным источникам, ранее неизвестным их предшественникам. Вместе с тем, в тезисе С.А. Гладких есть свой резон, который заставит нас вернуться к этому утверждению в конце статьи.

Ортодоксальная марксистская концепция Портсмутского мира в окончательном виде сформировалась в конце 1940 — начале 1950-х гг. В числе

основополагающих трудов этого периода следует назвать монографии «Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907» Б.А. Романова [30] и «Дальневосточная политика США в период русско-японской войны» А.С. Доброва [10], а также большую специальную статью А.Л. Гальперина [6].

Общая методологическая основа позволяет выделить характерные черты, в той или иной степени присущие всем трём работам. Прежде всего, бросается в глаза стремление авторов представить переговоры в Портсмуте в максимально широком международном контексте. Этот подход связан с представлением о том, что и Россия, и Япония не являлись самостоятельными игроками на международной арене, а Русско-японская война стала результатом широкого империалистического заговора против России. А.С. Добров отмечал: «Русско-японская война была, таким образом, не только японской, но и англо-американской войной против России на Дальнем Востоке. ...Совершенно очевидно, что Япония с её бедной экономикой и слабыми финансовыми ресурсами не осмелилась бы напасть на Россию, не получив заранее твёрдых заверений и гарантий во всесторонней поддержке со стороны её англо-американских покровителей» [10, с. 301, 361].

Преувеличение зависимости царской России от западных держав красной нитью проходит через большинство работ позднесталинской эпохи. В основе обозначенной идеи лежало стремление подчеркнуть историческое значение Великого Октября, который и вырвал Россию из этой зависимости. Поскольку западные державы спровоцировали и организовали Русско-японскую войну, они же её и остановили именно на той стадии, которая в наибольшей степени отвечала их интересам. Великобритания и Франция в условиях нарастающей конфронтации с Германией не желали полного разгрома России. Они хотели добиться урегулирования ситуации на прочной основе с тем, чтобы Россия смогла сосредоточить свои военные ресурсы на западной границе. По мнению А.С. Доброва, «в этом заключалось основное расхождение в позициях Англии и Соединённых Штатов во время мирного урегулирования дальневосточного конфликта, ибо правящие круги США стремились оставить неразрешёнными русско-японские противоречия, надеясь использовать эти противоречия в своих собственных экспансионистских целях» [10, с. 301].

Ортодоксальная марксистская методология рассматривает историю как надындивидуальный социально-экономический процесс, в основе которого лежат объективные законы исторического развития, не зависящие от воли сознания людей. Такой подход оставляет историческим личностям крайне ограниченные возможности выбора, будь то «коварный» и «лицемерный» Рузвельт или «слабовольный» Николай II, не говоря уже о непосредственных участниках переговоров. Американский президент всего лишь является выразителем интересов «60 семейств финансовых воротил и монополистов, которые правят Америкой» [10, с. 366]. За спиной Николая II бушует революция 1905 г., из-за которой он готов подписать

мир почти на любых условиях. Всё определяет социально-экономический детерминизм: «...так называемое „общественное мнение“ США ни в коей мере не отражало истинных настроений американского народа... Американская пресса, как и любая другая капиталистическая пресса, не могла иметь своего особого мнения, не зависимо от влияния финансовых и промышленных магнатов» [10, с. 313, 317].

При этом всем трём историкам ни в коей мере нельзя отказать в профессионализме. Их работы построены на обширном круге источников, они использовали практически все доступные на тот момент опубликованные документы и очень основательно проработали фонды АВПРИ (в то время АВПР). Б.А. Романов подготовил выдающихся учеников. Главная проблема исследований упомянутых специалистов заключалась в том, что советское историописание 1940—1950-х гг. подчинялось определённым идеологическим канонам. Как отмечал А.С. Добров, «беспощадное разоблачение американского империализма, его захватнической политики и агрессивной роли в истории международных отношений является важнейшей задачей советских историков» [10, с. 366].

Соблюдение этих канонов привело к наличию в монографии А.С. Доброва явных противоречий между материалами основного текста и выводами. В главах, посвящённых подготовке Портсмутской конференции, представлена убедительная и аргументированная картина расхождений в подходах США и европейских держав, которая вполне согласуется с материалами источников. А в заключении автор уже пишет о попытках американского правительства создать «антирусский блок в Европе в составе Англии, Германии и США в дополнение к уже существовавшему на Дальнем Востоке англо-японо-американскому блоку» [10, с. 362]. Та же идея является стержневой в статье А.Л. Гальперина, утверждавшего, что Англия, США и Япония «стремились к концу русско-японской войны сохранить единство политики в борьбе против России» [6, с. 215].

«Разоблачения», как правило, предполагали переход от академического стиля к более пафосному и к награждению «цветистыми» эпитетами империалистов и «западных фальсификаторов истории» в ленинском духе. Любопытно, что даже в условиях неусыпного надзора советской цензуры в работах этих историков обнаруживается известный плюрализм мнений. А.С. Добров, не называя фамилий, констатировал, что версия о помощи России, якобы оказанной Рузвельтом во время его посредничества, нашла «к сожалению, своё отражение в работах некоторых советских историков» [10, с. 270]. Это «камешек в огород» Б.А. Романова, который в первом издании своих «Очерков» написал, что «...только прямое вмешательство президента Т. Рузвельта, который имел возможность давить на Японию по финансовой линии, принудило японское правительство отказаться от требований контрибуции» [30, с. 397].

Второй этап в изучении Портсмутского мира российскими историками связан с выходом двух монографий японоведа и дипломата Л.Н. Кутакова [17; 18]. Хронологически главы о Портсмутском мире открывают

повествование в первой книге, вышедшей в 1961 г., и завершают его во второй, изданной 27 лет спустя. По количеству привлечённых источников на японском языке работы Л.Н. Кутакова остаются до сих пор непревзойдёнными в российской историографии. В этом нет ничего удивительного: в 1958—1960 гг., когда писалась первая монография, автор служил в советском посольстве в Японии. По возвращении на родину он несколько лет занимал должность ректора МГИМО, после чего 8 лет провёл в Нью-Йорке в качестве заместителя генерального секретаря ООН. С учётом тех мест, где ему довелось проживать, и должностей, на которых ему довелось работать, у Л.Н. Кутакова имелись совсем иные возможности, нежели у рядового советского историка.

В работах Л.Н. Кутакова значительно больше внимания уделено человеческому фактору. Центральной фигурой переговорного процесса выступает С.Ю. Витте: глава российской делегации описывается как человек с очень крепкими нервами, не ведающий сомнений, готовый найти выход из любой, спонтанно возникающей ситуации. «...Рузвельт попытался запугать Витте срывом конференции, но попытка успеха не имела. Русский представитель ответил такой тонкой симуляцией готовности прервать переговоры, что президент действительно забеспокоился» [18, с. 251]. Вместе с тем автор продемонстрировал двойственное отношение к «графу полусахалинскому». Как карьерный дипломат он явно не одобряет стремление С.Ю. Витте полностью контролировать переговорный процесс и игнорировать своих главных профессиональных советников — посла Р.Р. Розена и юриста-международника Ф.Ф. Мартенса. Влияние Николая II и правительства России практически осталось за кадром. Личный опыт Л.Н. Кутакова, убеждённого государственника и представителя дипломатии «большого стиля», не позволил ему взвешено оценить Портсмутский мирный договор. Автор убеждён, что российская дипломатия пошла на неоправданные уступки. Хотя в тех условиях, когда все более или менее крупные сражения на суше и на море были вчистую проиграны, представить себе альтернативу довольно затруднительно.

Современный этап в развитии российской историографии Портсмутского мира приходится на перестроечное и постсоветское время. Постепенный отход от марксистской методологической парадигмы способствовал возвращению к идее о том, что история — это в первую очередь наука о людях, и только потом — о социально-экономических процессах. В свете данной тенденции Портсмутский мирный договор стал рассматриваться как результат субъективных просчётов и личных достижений конкретных исторических личностей. Отсюда подробные описания всех перипетий переговорного процесса и факторов внешнего влияния, исполненные глубокого психологизма и не лишённые элементов высокой драмы.

Все перечисленные черты в полной мере присущи и монографии А.В. Игнатьева «Витте — дипломат», в которой большое место отведено переговорам в Портсмуте. Эту книгу можно с полным основанием отнести к числу апологетических биографий С.Ю. Витте. Выбор первого

уполномоченного Российской империи для участия в переговорах в Портсмуте стал для Николая II нелёгкой задачей. Карьерный дипломат А.И. Нелидов и честлюбивый Н.В. Муравьев нашли способы уклониться от этой миссии. Они понимали, что мир, который им предстоит заключать в Портсмуте, почти наверняка поставит крест на их политической и профессиональной карьере. И только С.Ю. Витте сам вызвался возглавить российскую делегацию. Лишь под давлением обстоятельств и настойчивых уговоров В.Н. Ламздорфа царь согласился утвердить кандидатуру неугодного ему сановника.

Как считал А.В. Игнатъев, «...невольный выбор со стороны Николая II ...оказался удачным для царизма» [12, с. 205—206]. Только Витте мог найти выход из этой неразрешимой ситуации. «Николаю пришлось лишний раз убедиться, как трудно бывает в безмерно многолюдной, казалось бы, России найти верного и вместе с тем способного слугу самодержавия» [12, с. 206]. По дороге в США Витте составил для себя детальный план действий. Важнейший пункт этого плана предусматривал привлечение на сторону России американской прессы и общественного мнения — и это ещё одно свидетельство незаурядности С.Ю. Витте. Будучи убеждённым монархистом и типичным «продуктом» самодержавного режима, в котором практически отсутствовал диалог власти с народом, он сразу оценил роль и значение этих инструментов влияния в американской политической системе.

Задача осложнялась тем, что одним из влиятельных и активных сегментов общественного мнения в США являлась еврейская диаспора Нью-Йорка. Многие её члены были выходцами из России, бежавшими от погромов, бытовой юдофобии и притеснений со стороны официальных властей по конфессиональному признаку. Тем не менее Витте удалось найти общий язык и с американскими журналистами, и с евреями.

А.В. Игнатъев писал: «Первый уполномоченный России произвёл на Рузвельта сильное, но отнюдь не приятное впечатление. Он оказался невосприимчивым к американским советам» [12, с. 220—224]. Столкнувшись с непреклонной позицией Витте, Рузвельт пытался воздействовать на него через Николая II, на которого в свою очередь «давил» посол США в Санкт-Петербурге Дж. фон Лангерке Мейер. Несмотря на все усилия, этот хитроумный манёвр американского президента не дал ожидаемых результатов. В Портсмуте Витте пришлось в одиночку бороться буквально со всем: с упорными японцами, с интригами Рузвельта, с «колеблющимся» Петербургом. Не будем забывать и о том, что первый уполномоченный буквально по рукам и ногам был связан инструкциями царского правительства. Впрочем, в интересах дела он имел мужество выходить за рамки предписаний, не ставя об этом в известность вышестоящие инстанции. Заурядный дипломат никогда бы на такое не решился. Дипломатические баталии дались Витте нелегко. Не один раз возникала ситуация, когда казалось, что переговоры закончатся провалом. Глава российской делегации пережил немало бессонных ночей, проведя их в «рыдании и молитве» [12, с. 233].

В конечном итоге Витте удалось добиться поставленной цели. А.В. Игнатъев убеждён, что Портсмутский мир — это победа российской дипломатии: «Заключение Портсмутского договора может по справедливости считаться вершиной дипломатического искусства Витте. В очень неблагоприятной обстановке он сумел добиться столь необходимого и в то же время единственно приемлемого для царизма „почти благопристойного“ мира... В то же время очевидны исключительные трудности, которые Витте с успехом преодолел и с которыми вряд ли справился бы более ординарный дипломат или государственный деятель» [12, с. 235]. Всё это очень напоминает версию переговорного процесса, созданную самим Витте в его «Воспоминаниях». Автор буквально следует за данным источником, подкрепляя его материалами опубликованных и архивных документов.

Новый взгляд на Портсмутский мир, отличный от предложенного А.В. Игнатъевым, появился почти через 20 лет. В 2007 г. в журнале «Вопросы истории» вышла статья И.В. Лукоянова «Портсмутский мир» [21]. Позднее она была включена как завершающая глава в его монографию «Не отстать от держав... Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв.» [20], которая по сути являлась докторской диссертацией петербургского историка. По количеству привлечённых архивных материалов этот 668-страничный труд производит сокрушительное впечатление. Портсмутскому миру И.В. Лукоянов даёт позитивную оценку, хотя и без пафоса, присущего монографии А.В. Игнатъева. Говорить о «дипломатической победе» не приходится, но мирный договор с Японией получился приемлемым, а главное — своевременным. Продолжение войны в условиях разгоравшейся революции и отсутствия возможностей для эффективной обороны Приморья и Сахалина с большой долей вероятности могло обернуться ещё более тяжёлыми последствиями [20, с. 621].

Отметим, что достойным выходом из труднейшей ситуации Россия обязана отнюдь не своему первому уполномоченному в Портсмуте. По словам И.В. Лукоянова, «С.Ю. Витте... был готов уступить японцам почти во всех спорных пунктах». Вопрос о выдаче российских боевых кораблей, интернированных в иностранных портах, он считал «не имеющим практического значения», хотя его решение в пользу России представляло не самую сложную проблему, поскольку данное требование Японии противоречило нормам международного морского права. Сохранение в составе России Сахалина выглядело для Витте неразрешимой задачей. В течение июля японские войска фактически оккупировали остров, а военных средств для того, чтобы вытеснить их оттуда, Россия не имела. Требование об ограничении российских военно-морских сил на Тихом океане также представлялось ему приемлемым, так как в ближайшие десятилетия Россия всё равно не сможет развернуть в дальневосточных водах флот, способный противостоять японскому. Единственный пункт, который Витте считал необходимым отвергнуть, — это уплата контрибуции. «Тем не менее, остаётся впечатление, что российский уполномоченный внутренне был готов уступить и в вопросе контрибуции» [20, с. 612—613].

Несмотря на все трудности, Витте продолжал бороться, поскольку к этому его обязывала жёсткая инструкция. В самый драматический момент переговоров, когда казалось, что Витте уже «сломался» и готов уступить по всем пунктам, центр принятия решений переместился в Петербург. Ведение переговоров перешло к Николаю II и послу США Дж. фон Лангерке Мейеру, который озвучивал позицию Т. Рузвельта. Мейер зарекомендовал себя как упорный переговорщик и незаурядный полемист. Однако в ходе изнурительных диалогов с американским послом Николай II неожиданно продемонстрировал невиданную стойкость. В результате Рузвельт сдался, фактически признав, что его роль посредника закончилась полным провалом. Японцам он посоветовал заключить соглашение.

Как отмечал И.В. Лукоянов, «относительно почётными условиями Портсмутского мира Россия была обязана прежде всего Николаю II, проявившему незаурядную для себя твёрдость духа (редкий пример в его царствование) и не поддавшемуся на уговоры и угрозы ни С.Ю. Витте, ни Т. Рузвельта, ни Вильгельма II... Самодержец принимал решение не столько на основании трезвого расчёта, сколько опираясь на „внутренний голос“, как он нередко делал в сложных для себя ситуациях. В этот раз он оказался прав. Твёрдое решение далось Николаю II совсем непросто, он вполне понимал, чем рискует. Получив 17 (30) августа телеграмму от Витте об удачном завершении переговоров, царь записал в своём дневнике: „весь день ходил как в тумане после этого“» [20, с. 617].

В конце 2000 — начале 2010-х гг. сразу три российских американиста проявили интерес к посреднической роли президента Т. Рузвельта на переговорах в Портсмуте. Первой в 2007 г. появилась статья Н.П. Писчиковой «Подарки от дяди Сэма. Антирусская позиция США во время портсмутских переговоров» [26]. У человека, знакомого с трудами советских историков 1940—1950-х гг., эта публикация вызывает полное ощущение дежавю. В примечаниях — «старый добрый» Деннетт, а самая «свежая» американская монография — «Дальневосточная политика США» Уитни Грисуолда 1938 г. [42]. Соглашение Тафта — Кацуры, трактуемое как «присоединение США к англо-японскому союзу», — тезис, пущенный в оборот А.Л. Гальпериным ещё в 1955 г., а возможно, и раньше. В 2007 г. данная статья производила впечатление памятника исторической мысли.

Публикации Л.В. Байбаковой выглядят и более качественно, и более современно [2; 3]. Изучение посреднической миссии Т. Рузвельта автор считает актуальной научной задачей, поскольку именно его опыт лежит в основе современных механизмов мирного урегулирования региональных конфликтов. Основываясь на обширном материале архивных и опубликованных источников, Л.В. Байбакова продемонстрировала арсенал средств, использовавшихся американским президентом для направления портсмутского переговорного процесса в нужное для США русло. Рузвельт заранее собрал информацию о персональном составе делегаций, статусе уполномоченных лиц, изучил их сильные и слабые стороны и нашёл подход к каждому из них.

Л.В. Байбакова отмечает: «Выбор местом встречи его собственной страны давал Рузвельту ряд преимуществ, так как он мог косвенным образом контролировать ход переговоров. Разыгрывая роль приветливого хозяина, он получал возможность встречаться с дипломатами всех рангов и говорить на переговорах больше, чем предполагалось по официальному этикету. И в дальнейшем американский президент, добившись полной свободы рук в переговорном процессе, ещё не раз использовал тупиковые ситуации в собственных интересах, грея руки на противоречиях между великими державами» [3, с. 20].

Автор приходит к выводу, что согласие на ведение переговоров на территории США стало фатальным просчётом российской дипломатии. Ответственность за роковое решение она возлагает на А.П. Кассини: «...Оплошность графа Кассини, которая стоила ему должности посла в Вашингтоне, дорого обошлась царскому правительству. Переговоры между воюющими державами должны были пройти в стране, симпатизировавшей Японии и недолголюбивавшей Россию» [3, с. 30]. Рассуждать о том, что ещё смогла бы оставить за собой Россия, если бы мир с Японией назывался не Портсмутским, а, к примеру, Гаагским, Л.В. Байбакова не стала. Контрфактическое моделирование не входило в задачи её исследования. К тому же в статье речь шла только о подготовительном этапе Портсмутской конференции.

Между тем постановка подобных вопросов представляет собой характерный тренд в современной российской исторической и околоисторической литературе. Портсмутский мир в частности и Русско-японская война в целом остаются болезненной темой для российского национального сознания, что вызывает желание «переиграть» результаты войны на бумаге. Среди публикаций подобного рода выделяется работа известного петербургского американиста В.В. Носкова, опубликованная в «Американском ежегоднике» за 2011 г. [22]. Она представляет собой солидную концептуальную статью с аргументированными выводами, как, впрочем, и большинство трудов, выходящих из-под пера наших академических историков.

Проблема, поднимаемая в данном тексте, недвусмысленно сформулирована в его заглавии. Южный Сахалин, отошедший к Японии, — самая большая потеря Российской империи по итогам Русско-японской войны. Досадно, что этой потери можно было избежать — достаточно было не начинать переговоры преждевременно или хотя бы вести их по-другому. Для альтернативного исхода у России имелись все козыри. Российская армия в Маньчжурии продолжала наращивать свою численность и материальную оснащённость. Отступив к Харбину, она сократила свои коммуникации. Японская армия, удалившись от побережья, напротив, свои коммуникации растянула. Моральный дух российских офицеров и солдат оставался высоким. Они приобрели боевой опыт и готовились перейти в наступление. Такую ситуацию описывают мемуары, дневники, переписка А.Н. Куропаткина, А.И. Деникина, А.А. Бирилёва и прочих военных

и морских начальников, причастных к Русско-японской войне. А.И. Деникин, например, выражал уверенность, что, если бы армия перешла в наступление с Сыпингайских позиций, её ожидала бы победа. В подкрепление своей концепции В.В. Носков опирается на их аргументы. [22, с. 132–134].

Несмотря на возмущение военных, верховная власть начала «преждевременные» переговоры о мире. На дипломатическом поприще тоже было не всё потеряно, если бы не крайне неблагоприятный для России состав переговорщиков. Здесь явно выделяются два «злых гения» — посол США в Санкт-Петербурге Дж. фон Лангерке Мейер и первый уполномоченный российской делегации в Портсмуте С.Ю. Витте.

Мейер считался одним из самых опытных американских политиков своего времени и входил в ближайшее окружение Т. Рузвельта. Именно поэтому президент в преддверии своей посреднической миссии перевёл посла из Рима в Санкт-Петербург. Его главная задача заключалась в том, чтобы склонить российского императора к переговорам с Японией. Мейер прекрасно справился с возложенной на него миссией: «...За два часа общения с послом США император не только согласился оплатить японской стороне издержки на содержание русских пленных, но и уступить Японии южную половину Сахалина» [22, с. 146]. «Американский посол прекрасно осознавал превосходство своего характера и утверждал даже, что смог бы добиться от императора согласия на выплату значительной суммы за северный Сахалин, если бы ему удалось встретиться с ним до того, как окружение Николая II подготовило его к предстоящей беседе» [22, с. 147].

Пока посол Мейер «выкручивал руки» царю в Петербурге, российский первый уполномоченный шёл на одну уступку за другой в Портсмуте. Из всех российских государственных деятелей только Витте изъявил готовность заключить «постыдный мир» с Японией. «Отодвинутый в тень политикан осознавал, что судьба давала ему шанс вернуться на политический Олимп, и он не хотел упустить его. Достижение мира с Японией становилось для него вопросом личной карьеры» [22, с. 137]. Витте и Розен быстро сошлись во мнении, что инструкции, утверждённые Николаем II, невыполнимы. Сахалин оба уполномоченных изначально считали безвозвратно потерянным для России. В результате на переговорах в Портсмуте сложилась немыслимая в дипломатической практике ситуация, когда уступки Сахалина добивались от Петербурга не только японская, но и российская делегация. Позицию Витте неожиданно поддержал бывший морской агент в Японии А.И. Русин, который убеждал морского министра, что «японский народ не примирится с передачей Сахалина русским после его завоевания, но Япония готова обязаться не принимать на Сахалине никаких стратегических мер, угрожающих России» [22, с.140].

Таким образом, Россия получила мирный договор, зафиксировавший ряд совершенно необоснованных уступок с её стороны. Произошло это потому, что в отличие от Николая II, Рузвельт точно знал, чего он хотел и как добиться поставленной цели. Представитель США в Петербурге также во всём превосходил главного российского уполномоченного в Портсмуте.

«В эпоху русско-японской войны в России просто не было государственных деятелей такого масштаба, как Т. Рузвельт и Дж. фон Лангерке Мейер, поэтому посредники могли с успехом навязывать своё мнение психологически более слабым партнёрам. В Японии таких деятелей не было тоже, поэтому в ходе портсмутских переговоров Россия проиграла не столько японской, сколько американской дипломатии, которая вынудила её на серьёзные уступки, включая сдачу Южного Сахалина» [22, с. 160].

Если мы сопоставим три основные точки зрения на Портсмутский мир, сформировавшиеся в российской историографии за последние 30 лет, становится очевидным, что планка в его оценках неуклонно снижалась. А.В. Игнатьевым это событие описывается как дипломатическая победа, одержанная усилиями С.Ю. Витте и позволившая России достойно завершить проигранную войну. Для И.В. Лукоянова Портсмутский мир уже только «приемлемый», им страна обязана Николаю II. Тем не менее он позволил выйти из проигранной войны с минимальными потерями. В.В. Носков считает, что Портсмутский мир — «дипломатическая Цусима», случившаяся во многом по вине главы российской делегации.

В.В. Носков пояснил причину столь радикального пересмотра оценок переговоров в Портсмуте. Предшествующие исследования зачастую носили апологетический характер, поскольку базировались на некритическом использовании мемуаров С.Ю. Витте. На самом деле этот источник исключительно субъективен и требует крайне осторожного отношения. «По возвращении из Портсмута С.Ю. Витте рассказывал, будто это он вынудил Т. Рузвельта, а через него и японцев отказаться от половины Сахалина. Он приписывал себе все заслуги по заключению мира, но вину за уступку Южного Сахалина перекладывал на императора... При этом наш мемуарист скромно умолчал о тех огромных усилиях, которые он приложил, чтобы склонить Николая II к этой уступке, а также о том, что он сам предлагал отдать японцам весь Сахалин» [22, с. 156].

Критический подход автора к мемуарам С.Ю. Витте понятен и оправдан. Однако он порождает вопрос: почему в таком случае информация, идущая от источников, оставленных военными, принимается без поправок на её субъективность? Оптимизм царских генералов относительно победоносного завершения военной кампании в Маньчжурии не имел никакого отношения к реальности [32, с. 146—150]. Они также стремились оправдаться перед современниками и потомками, поэтому ещё за полтора десятилетия до немецких коллег начали создавать свою «легенду об ударе кинжалом в спину». Армия готовилась перейти в победоносное наступление, но помешали евреи и социал-демократы, поднявшие революцию в тылу. Фактически заодно с ними действовали «циничный» Витте и «слабовольный» Николай II, напуганные революцией. В реальности же, отступив от Мукдена к Харбину, армия несколько месяцев топталась на месте — вплоть до подписания мирного договора в Портсмуте. Генералы так и не решились перейти в наступление из опасения ещё больше усугубить ситуацию.

Тем не менее статья В.В. Носкова является частью тенденции в современной российской историографии, которая склонна рассматривать Портсмутский мир как упущенную возможность [4; 15]. Ещё одним примером подобного подхода может послужить монография А.А. Кошкина «Россия и Япония: узлы противоречий» [15]. Её автор столь же критически оценивает результаты работы «графа полусахалинского» в Портсмуте. В отличие от В.В. Носкова, А.А. Кошкин главный акцент делает на то, что к лету 1905 г. Япония уже полностью исчерпала свои возможности для дальнейшего продолжения войны, а российская сторона этой ситуацией не воспользовалась. К сожалению, некоторые факты, приводимые в обоснование данного аргумента, вызывают большие сомнения. Например, автор пишет, что «отвлечение в армию и на военные работы до 10 млн человек создавало серьёзные проблемы для экономики страны» [15, с. 108]. Источник, из которого была взята такая невероятная цифра, не называется. Любой специалист по военной истории подтвердит, что 10 млн взрослых трудоспособных людей, «вырванных» из гражданского производства в стране с населением 46,6 млн чел., привели бы экономику Японии к полному коллапсу. Вопрос о том, какие военные работы могли выполнять 10 млн чел. в Японии 1905 г., остаётся без ответа. В 1936 г. комбриг Н.А. Левицкий в своём военно-историческом исследовании приводил гораздо более реалистичную цифру в 1,5 млн чел., куда входили как мобилизованные в вооружённые силы, так и занятые на военных производствах [19, с. 451].

Таким образом, в современной российской историографии на сегодняшний день сложились три точки зрения на Портсмутский мир. За каждой из них стоит исследование весьма высокого уровня. Авторы настолько виртуозно выстроили свою аргументацию, что источники уже не могут служить арбитром между их концепциями. Это является ещё одним подтверждением того, что современное историческое знание превратилось в знание интерпретаций.

Анализ трудов российских историков о Портсмутском мире с точки зрения методологии свидетельствует, что дипломатическая история остаётся одной из самых консервативных отраслей историографии, медленно воспринимающей новую информацию и новые техники исследования. Ещё медленнее она отказывается от традиционных стереотипов. Отчасти такое положение дел обусловлено спецификой объекта и предмета исследования. История переговоров в Портсмуте представляет собой такую область, где принятие решений осуществлялось узким кругом лиц при ограниченных политических связях, что в свою очередь предопределило относительно узкий круг источников. В этой связи будет уместным вернуться к тезису С.А. Гладких, переформулировав его в виде вопроса. Возможно ли воссоздание истории переговоров в Портсмуте без обращения к архивным источникам, только на основе опубликованных документов? Ответ на этот вопрос будет, безусловно, утвердительным, но с оговоркой. Новое прочтение уже известных текстов потребует новых методологических подходов и исследовательских методик.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Витте — мемуарист. СПб.: СПб ФИРИ РАН, 1995. 95 с.
2. Байбакова Л.В. Практика «добрых услуг»: как Теодор Рузвельт уговорил Николая II принять американское посредничество // Родина. 2009. № 8. С. 109—111.
3. Байбакова Л.В. Роль президента США Т. Рузвельта в выработке предварительных условий мирных переговоров между Россией и Японией (март — июнь 1905 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2010. № 6. С. 3—41.
4. Белозёрова О.А. Генерал Куропаткин о Портсмутском мире // Правовое поле современной экономики. 2016. № 8. С. 143—154.
5. Витте С.Ю. Воспоминания. М.: Альфа-книга, 2017. 1247 с.
6. Гальперин А.Л. Дипломатическая подготовка Портсмутской мирной конференции японо-американским блоком // Исторические записки. 1955. Т. 50. С. 169—223.
7. Гладких С.А. Портсмутский мир: чья победа? // Россия и АТР. 2014. № 1 (83). С. 95—106.
8. Глушков В.В., Черевко К.Е. Русско-японская война 1904—1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России: факты и комментарии. М.: ИДЭЛ, 2006. 576 с.
9. Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991. 300 с.
10. Добров А.С. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М.: Госполитиздат, 1952. 396 с.
11. Журнал военного совещания под личным председательством его императорского величества 24 мая 1905 г. в Царском селе // Красный архив. 1928. Т. 3 (28). С. 91—204.
12. Игнатьев А.В. Витте — дипломат. М.: Международные отношения, 1989. 336 с.
13. Исии К. Дипломатические комментарии. М.: Госполитиздат, 1942. XXVIII, 236 с.
14. Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник И.Я. Коростовца, секретаря графа Витте во время Портсмутской конференции. Июль — сентябрь 1905 г. // Былое. 1918. № 1. С. 177—220; № 2. С. 110—146; № 3. С. 58—85; № 12. С. 154—182.
15. Кошкин А.А. Россия и Япония: узлы противоречий. М.: Вече, 2010. 480 с.
16. Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904—1905 гг. Итоги войны. СПб.: Полигон, 2003. 525 с.
17. Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор (из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905—1945). М.: Соцэкгиз, 1961. 291 с.
18. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М.: Наука, 1988. 384 с.
19. Левицкий Н.А., Быков П.Д. Русско-японская война 1904—1905 гг. М.: Эксмо, 2003. 672 с.
20. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб.: Нестор-история, 2008. 668 с.
21. Лукоянов И.В. Портсмутский мир // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 16—33.
22. Носков В.В. Американская дипломатия, Витте и потеря Россией Южного Сахалина в 1905 г. // Американский ежегодник. 2011. № 2011. С. 126—160.
23. Окамото Сьюмпей. Японская олигархия в русско-японской войне. М.: Центрполиграф, 2003. 319 с.
24. Пайпс Р. Вклад Теодора Рузвельта в заключение Портсмутского мирного договора 1905 г. между Россией и Японией // Американский ежегодник. 2010. № 2010. С. 103—116.
25. Переписка С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина в 1904—1905 гг. // Красный архив. 1926 Т. 6 (19). С. 64—82.
26. Писчикова Н.П. Подарки от дяди Сэма: антирусская позиция США во время портсмутских переговоров // Родина. 2007. № 10. С. 65—68.
27. Портсмут // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 3—17; Т. 7. С. 3—31.

28. Портсмутская мирная конференция 1905 г. Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключённого в Портсмуте 23 августа (3 сентября) 1905 г. СПб.: Типогр. Киришбаума, 1906. 106 с.
29. Портсмутский договор. Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора 24 мая — 3 октября 1905 г. СПб.: Типогр. Киришбаума, 1906. 530 с.
30. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1947. 496 с.
31. Россия и США: дипломатические отношения 1900—1917 / под ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 1999. 856 с.
32. Сергеев Е.Ю. Военная разведка России в борьбе против Японии. 1904—1905. М.: КМК, 2010. 219 с.
33. British Documents on the Origins of the War. 1898—1914 / ed. by G.P. Gooch and H. Temperley. 11 vols. London: H.M. Stationary Office, 1927—1938.
34. Dennett T. Roosevelt and the Russo-Japanese War. A Critical Study of American Policy in East Asia in 1901—1905. New York: Doubleday, Page & Co., 1925. VII. 357 p.
35. Letters of Theodore Roosevelt / ed. by E.E. Morison. 8 vols. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1951—1955.
36. Okamoto Shumpei. The Japanese Oligarchy in the Russo-Japanese War. New York: Columbia Univ. Press, 1970. XII, 355 p.
37. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1905. Washington: Government Printing Office, 1906. CXX, 1076 p.
38. Rosen R.R. Forty Years of Diplomacy. 2 vols. New York: A.A. Knopf, 1922.
39. The Diplomacy of Japan. 1894—1922 / ed. by M. Kajima. 3 vols. Tokyo: Kajima Institute of International Peace, 1976—1980.
40. Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. / Hrsg. Von I. Lepsius, A. Mendelsohn-Bartoldi & F. Timme. 40 Bde. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1922—1927.
41. Documents diplomatique française. 1871—1914. 43 t. Paris: Alfred Costes, 1929—1959.
42. Griswald W.A. The Far Eastern Policy of the United States. New York: Harcourt, 1938. 530 p.

REFERENCES

1. Anan'ich B.V., Ganelin R.Sh. *Vitte — memuarist*. [Witte — Memoirist]. Saint Petersburg, SPB FIRI RAN Publ., 1995, 95 p. (In Russ.)
2. Baybakova L.V. Praktika «dobrykh uslug»: kak Teodor Ruzvel't ugovoril Nikolaya II prinyat' amerikanskoe posrednichestvo [Practice of “Good Offices”: How Theodore Roosevelt Persuaded Nicholas II to Assume American Mediation]. *Rodina*, 2009, no. 8, pp. 109—111. (In Russ.)
3. Baybakova L.V. Rol' prezidenta SShA T. Ruzvel'ta v vyrabotke predvaritel'nykh usloviy mirnykh peregovorov mezhdru Rossiey i Yaponiey (mart — iyun' 1905 g.) [The Role of the President Roosevelt in Elaboration of Preliminary Conditions for Negotiations between Russia and Japan (March — July 1905)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, ser. 8, History, 2010, no. 6, pp. 3—41. (In Russ.)
4. Belozerova O.A. General Kuropatkin o Portsmutskom mire [General Kuropatkin about the Portsmouth Peace]. *Pravovoe pole sovremennoy ekonomiki*, 2016, no. 8, pp. 143—154. (In Russ.)
5. Vitte S.Yu. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Alfa-kniga Publ., 2017, 1247 p. (In Russ.)
6. Gal'perin A.L. Diplomaticheskaya podgotovka Portsmutskoy mirnoy konferentsii yaponno-amerikanskim blokom [Diplomatic Preparation of the Portsmouth Peace Conference by American-Japanese Bloc]. *Istoricheskie zapiski*, 1955, vol. 50, pp. 169—223. (In Russ.)

7. Gladkikh S.A. Portsmutskiy mir: ch'ya pobeda? [The Portsmouth Peace: Whose Victory?]. *Rossia i ATP*, 2014, no. 1 (83), pp. 95—106. (In Russ.)
8. Glushkov V.V., Cherevko K.E. *Russko-yaponskaya vojna 1904—1905 gg. v dokumentakh vneshnepoliticheskogo vedomstva Rossii: fakty i kommentarii* [The Russo-Japanese War of 1904—1905 in Documents of the Ministry of Foreign Affairs of Russia: Facts and Commentaries]. Moscow, IDEL Publ., 2006, 576 p. (In Russ.)
9. Denikin A.I. *Put' russkogo ofitsera* [The Way of the Russian Officer]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, 300 p. (In Russ.)
10. Dobrov A.S. *Dal'nevostochnaya politika SShA v period russko-yaponskoy voyny* [The Far Eastern Policy of the USA in the Period of the Russo-Japanese War]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1952, 396 p. (In Russ.)
11. Zhurnal voennogo soveshchaniya pod lichnym predsedatel'stvom ego imperatorskogo velichestva 24 maya 1905 g. v Tsarskom sele [Journal of the Military Council under the Chairman of His Imperial Majesty on May 24, 1905, in Tsarskoe Selo]. *Krasnyy arkhiv*, 1928, vol. 3 (28), pp. 91—104. (In Russ.)
12. Ignat'ev A.V. *Vitte — diplomat* [Witte — Diplomat]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1989, 336 p. (In Russ.)
13. Isii K. *Diplomaticheskie kommentarii* [Diplomatic Commentaries]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1942, XXVII, 236 p. (In Russ.)
14. Korostovets I.Ya. Mirnye peregovory v Portsmute v 1905 g. Dnevnik I.Ya. Korostovtza, sekretarya grafa Vitte vo vremya Portsmutskoy konferentsii. Iyul' — sentyabr' 1905 g. [Peace Negotiations in Portsmouth in 1905. The Diary of I.Ya. Korostovets, Secretary of Earl Witte during the Portsmouth Conference. July — September 1905]. *Byloe*, 1918, no. 1, pp. 177—220; no. 2, pp. 110—146; no. 3, pp. 58—85; no. 12, pp. 154—182. (In Russ.)
15. Koshkin A.A. *Rossiya i Yaponiya: uzly protivorechiy* [Russia and Japan: Knots of Contradictions]. Moscow, Veche Publ., 2010, 480 p. (In Russ.)
16. Kuropatkin A.N. *Russko-yaponskaya vojna 1904—1905 gg. Itogi voyny* [The Russo-Japanese War of 1904—1905. The Results of the War]. Saint Petersburg, Poligon Publ., 2002, 525 p. (In Russ.)
17. Kutakov L.N. *Portsmutskiy mirnyy dogovor (iz istorii otnosheniy Yaponii s Rossiei i SSSR. 1905—1945)* [The Portsmouth Peace Treaty (From the History of Relationship between Japan, Russia and the USSR. 1905—1945)]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1961, 291 p. (In Russ.)
18. Kutakov L.N. *Rossiya i Yaponiya* [Russia and Japan]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 384 p. (In Russ.)
19. Levitskiy N.A., Bykov P.D. *Russko-yaponskaya vojna 1904—1905 gg.* [Russo-Japanese War 1904—1905]. Moscow, Eksmo Publ., 2003, 672 p. (In Russ.)
20. Lukoyanov I.V. «*Ne otstat' ot derzhav...*». *Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX — nachale XX vv.* ["Not to Fall behind Powers...". Russia in the Far East from the End of the 19th Century until the Beginning of 20th Century]. Saint Petersburg, Nestor-istoriya Publ., 2008, 668 p. (In Russ.)
21. Lukoyanov I.V. Portsmutskiy mir [The Portsmouth Peace Treaty]. *Voprosy istorii*, 2007, no. 2, pp. 16—33. (In Russ.)
22. Noskov V.V. Amerikanskaya diplomatiya, Vitte i poterya Rossiei Yuzhnogo Sakhalina v 1905 g. [American Diplomacy, Witte and Russia's Loss of Southern Sakhalin in 1905]. *Amerikanskiy ezhegodnik*, 2011, no. 2011, pp. 126—160. (In Russ.)
23. Okamoto Shumpei. *Yaponskaya oligarkhiya v russko-yaponskoy vojne* [Japanese Oligarchy in Russo-Japanese War]. Moscow, Tsentropoligraf Publ., 2003, 319 p. (In Russ.)
24. Payps R. Vklad Teodora Ruzvel'ta v zaklyuchenie Portsmutskogo mirnogo dogovora 1905 g. mezhdru Rossiei i Yaponiei [The Contribution of Theodore Roosevelt in Achievement of the Portsmouth Peace Treaty of 1905 between Russia and Japan]. *Amerikanskiy ezhegodnik*, 2010, no. 2010, pp. 103—116. (In Russ.)

25. Perepiska S.Yu. Vitte i A.N. Kuropatkina v 1904—1905 gg. [Correspondence between S.Yu. Witte and A.N. Kuropatkin in 1904—1905]. *Krasnyy arkhiv*, 1926, vol. 6 (19), pp. 64—82. (In Russ.)
26. Pischikova N.P. Podarki ot dyadi Sema: antiruskaya pozitsiya SShA vo vremya portsmutskikh peregovorov [Gifts from Uncle Sam: Anti-Russian Position of the USA during Portsmouth Negotiations]. *Rodina*, 2007, no. 10, pp. 65—68. (In Russ.)
27. Portsmut [Portsmouth]. *Krasnyy arkhiv*, 1924, vol. 6, pp. 3—47; vol. 7, pp. 3—31. (In Russ.)
28. *Portsmutskaya mirnaya konferentsiya 1905 g. Protokoly Portsmutskoy mirnoy konferentsii i tekst dogovora mezhdru Rossiei i Yaponiei, zaklyuchennogo v Portsmute 23 avgusta (3 sentyabrya) 1905 g.* [The Portsmouth Peace Conference of 1905. Proceedings of the Portsmouth Peace Conference and the Treaty Concluded between Russia and Japan on August 25 (September 3), 1905]. Saint Petersburg, Tipogr. Kirshbauma Publ., 1906, 106 p. (In Russ.)
29. *Portsmutskiy dogovor. Sbornik diplomaticheskikh dokumentov, kasayushchikhsya peregovorov mezhdru Rossiei i Yaponiei o zaklyuchenii mirnogo dogovora 24 maya — 3 oktyabrya 1905 g.* [The Portsmouth Peace Treaty. Diplomatic Documents Relating to Negotiations between Russia and Japan on the Peace Treaty, May 24 — September 3, 1905]. Saint Petersburg, Tipogr. Kirshbauma Publ., 1906, 530 p. (In Russ.)
30. Romanov B.A. *Ocherki diplomaticheskoy istorii rusko-yaponskoy voyny. 1895—1907* [Essays on Diplomatic History of the Russo-Japanese War. 1895—1907]. Moscow, Leningrad, Izd. AN SSSR Publ., 1947, 496 p. (In Russ.)
31. *Rossiia i SShA: diplomaticheskie otnosheniya 1900—1917* [Russia and the USA: Diplomatic Relations. 1900—1917]. Ed. by A.N. Yakovlev. Moscow, MFD Publ., 1999, 856 p. (In Russ.)
32. Sergeev E.Yu. *Voennaya razvedka Rossii v bor'be protiv Yaponii. 1904—1905* [Russian Military Intelligence in the Struggle against Japan]. Moscow, KMK Publ., 2010, 219 p. (In Russ.)
33. *British Documents on the Origins of the War. 1898—1914.* Ed. by G.P. Gooch and H. Temperley. 11 vols. London, H.M. Stationary Office Publ., 1927—1938. (In Eng.)
34. Dennett T. *Roosvelt and the Russo-Japanese War. A Critical Study of American Policy in East Asia in 1901—1905.* New York, Doubleday, Page & Co. Publ., VII, 357 p. (In Eng.)
35. *Letters of Theodore Roosevelt.* Ed. by E.E. Morison. 8 vols. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press Publ., 1951—1955. (in Eng.)
36. Okamoto Shumpei. *The Japanese Oligarchy in the Russo-Japanese War.* New York, Columbia Univ. Press Publ., 1970, XII, 355 p. (In Eng.)
37. *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1905.* Washington, Government Printing Office Publ., 1906. CXX, 1076 p. (In Eng.)
38. Rosen R.R. *Forty Years of Diplomacy.* 2 vols. New York, A.A. Knopf Publ., 1922. (In Eng.)
39. *The Diplomacy of Japan. 1894—1922.* Ed. by M. Kajima. 3 vols. Tokyo, Kajima Institute of International Peace Publ., 1976—1980. (In Eng.)
40. *Die Grosse Politik der Europaischen Kabinette. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswartigen Amtes.*/ Hrsg. Von I. Lepsius, A. Mendelsohn-Bartoldi & F. Timme. 40 Bde. Berlin, Deutsche Verlagsgesellschaft fur Politik und Geschichte Publ., 1922—1927. (In Ger.)
41. *Documents diplomatique francaise. 1871—1914.* 43 t. Paris, Alfred Costes Publ., 1929—1959. (In French)
42. Griswald W.A. *The Far Eastern Policy of the United States.* New York, Harcourt Publ., 1938, 530 p. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 08.09.2021